

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

Валентин Лукьяненко

27 октября 2011

Таре #1

– Здравствуйте

– Здравствуйте

– Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию

– Имя мое Валентин, фамилия Лукьяненко

– Какого года рождения Вы?

– 1930-ого

– А где Вы родились?

– Родился я в Бобруйске, но прожил только 2 месяца и больше там не жил.

– Какое-то время тому назад к Вам заходили мои коллеги, и Вы рассказывали им о том, что Вы видели во время Второй Мировой войны, и я хочу, чтобы сегодня Вы вспомнили опять на камеру Ваши воспоминания. Поэтому, для начала, я хочу спросить Вас: в 41-ом году, когда началась война, где Вы находились?

– Когда началась война в 1941-ом году, мы узнали об этом вечером 22-ого июня, в воскресенье, ну, днем мы были на речке, пришли – слышим разговоры о войне. Пришли на колхозный двор, пришли, где канцелярия, а там приемник стоял, и там уже повторение речь Молотова было, что враг, противник наш, Германия фашистская напала на Советский союз. Еще я помню там был эпизод из постановки кинофильма «Щорс», кинофильм «Щорс» был такой до войны, вот из него была постановка, там как раз

был бой с немцами в 18-ом или 20-ом году... в 18-ом, на Украине. Вот там было передано звуковое передача вот этого эпизода. Ну, на други день уже известно стало, что наши стали отступать. Немцы пришли примерно недели через полторы или две, с течением времени, вот если б я жил на этом месте, то я бы уже помнил, но тут потерял с виду. Потом стали разговор о немецких порядках: какие будут порядки, значит, коммунистов, комсомольцев расстреливать, пионеров будут, значит, наказывать, евреев будут убивать. Но мы жили, лето проходит, никаких эксцессов не было, за исключением...

– А у вас там были евреи, в деревне вашей?

– У нас было много евреев, и у нас соседи были евреи, через дом одни жили, и еще через два дома, и еще там жили, Бортак Даля жил с семьей, и Столин Бежа тоже жил с семьей. И знал их, очень хорошо знал. Старший сынишка на два года, Исаак, он старше меня, ходил в старшую, класса на два раньше. Ну, до осени еще жили, спокойно было, а потом...

– Жили по своим домам, да?

– А?

– Я правильно понимаю, они жили по своим домам?

– В своих домах они жили, все нормально, и вы знаете что, даже работали. Вот у них, у некоторых евреев, было разрешено в советское время иметь лошадей, это значит, они на станции 3 километра от Свислочи, Елизово сейчас, а было станция Свислочь стеклозавод «Октябрь», возили пассажиров, ну, как извозчики. И работали они в гущтранспорте. Это была у нас пароходная пристань, и вот с пристани на железнодорожную станцию грузы возили и наоборот.

– То есть и после того, как немцы пришли, они ту же самую работу делали?

– Работали, но они, уже как работы такой не было, так на помощь тем, кого, значит, перевезти что-нибудь, знаете, колхоз уже был разрушен, лошадей угнали, осталось немного коров, пахать нечем, собирать урожай нечем. Вот так нужно было, раньше брали в колхозе, а теперь нам евреи помогали, и все время говорили: «Дай бы Бог, чтобы вам на всю жизнь остались эти кони». Но осенью прочитали приказ на стене магазина, значит, немецкое командование приказало ликвидировать евреев мужчин.

– А Вы сами видели этот приказ, или Вы только слышали о нем?

– Читал...

– Вы лично читали?

– Напечатано на машинке на листе типо тетрадный, но чистый, на машинке печатной ручной, и подписано начальником полиции Бурштелем. До войны Бурштель жил за рекой у нас, через реку Березину жил, лесником был, там его дом был, и его была усадьба, он был лесником. Пришли немцы, он стал начальником полиции.

– И было написано по-русски?

– Было на русском языке написано «Приказано уничтожить мужчин евреев», н, вот такой вот листик и напечатано машинкой, вот, приказ немецкого командования, и подпись, все. Ну, тут все притихли, потом смотрим, кого-то там нету, кого-то там нету, и вот где-то такой порой

– А Вы видели лично, как убивали этих мужчин, Вы лично видели?

– Никто не видел, их вывозили через мост, через реку Березину, и где-то в лес туда вывозили, где-то там

убивали, и даже за усадьбой этого Бурштеля, этого начальника полиции, ну, где-то там.

– Но если никто не видел, откуда Вы знаете про это?

– Знаете что, видели люди, мы туда не ходили, мать и дядя приказали не ходить никуда. Но случайно на углу улицы, там такой был Г-образный дом, до войны это была амбулатория, и там в одном месте вот такая комната была, жила работница больницы по фамилии Резник, я ее имя уже не помню, у нее была дочка и сын Юра, а старшая дочь ее, еще дочка, жила в Москве, а старшая была где-то в армии, она медсестрой медицинской, она только после войны приехала. И вот мы к ним ходили, Юрка на года на 2 тоже был старше, но поскольку его мать и моя когда-то работали в больнице вместе, потом моя мать пошла в калхоз, а она осталась там, и я ходил к ним, и вы знаете, идем мы с ним, перешли с главной улицы в переулок, слышим крик большой, дети кричат что-то, мы туда, в этот переулочек дальше туда, смотрим мальчик голый еврейский. Господи, мы узнали, с моего класса, Зыслик его звали, значит, фамилия. Мы детей разогнали на его стали спрашивать: «Чего ты голый? Как ты? Откуда ты?», он голый. А он, оказывается, где-то был за рекой Свислочь, где-то в лесу, потом переоделся, через речку переплыл, сняв одежду, и он, видимо, сошел с ума, у него глаза горят, он дрожит весь, ничего не может сказать. Мы не знаем, что с ним делать. На эту беду нарвался полицейский, фамилия его Ворошилов, а Михаил звать, и тут же он к нам с криками: «Укрывать, гады», туда-сюда. Ну, мы отошли, он его повел, мы вслед за ним шли. В этом помещении, где жили Резник, там полицейское управление сделали, полицию, и он его привел туда, но они жили, как зайдешь в коридор, слева, а он дальше его повел. Ну, мы пришли, мать начала на нас ругаться: «Вы бегаєте, еще головы вам не сносили!». И надо же, в это время, он его вталкивает

сюда голого, а там в углу стояла плита. ну, там готовилось все горочее, знаете, с кирпича, сверху чугунная плита с дырками, и он его заставил залезть вот туда. Он дрожит, холодно, холодно. «Лезь туда» - на его, заставил залезть, а больно, жарко. Эта женщина на его: «Мишка, гад, ты что делаешь?». «Тихо, тетка, а то я тебя сюда посажу!», и ушел. Ушел, приносит ему чей-то пиджак, набросил, «Пошли!», и повел его, он впереди пошел, он сзади. Мы вышли, за ним шли. Мы думали, что он поведет через мост его, туда же, и мы уже пошли, говорит: «Пошли наверх, на замок, последний раз посмотрим». Мы смотрим, он довел его до половины моста, поставил винтовку, его подхватил и бросил через перила. Ну, мы думали, что он его утопит, а он уже всплыл, и он начал стрелять, тогда мы оттуда сбежали, да, перед этим он нас прогнал: «Уходите, а то я вас тоже впереди поведу!». Но мы все-таки сзади шли на высокое место, это замок, и оттуда видели. Это первое.

– Тогда уже начали убивать евреев, или это только единственный первый случай, когда

– Нет, уже до этого убивали, но мы не видели

– До этого убивали?

– Вот того говорили, того

– А как Ваш друг, вот этот Юрка, как с ним ничего не случилось? Он тоже был с еврейской фамилией Резник?

– Резник нет.

– Нет, он не был?

– Они с Украины когда-то приехали, давно, но, когда мы приехали с Средней Азии, то они уже тут жили, а раньше я не помню, очень даже не помню...

– То есть он не был евреем

– ...а тут они жили, и мать устроилась в больницу кладовщицей, она санитаркой работала, поэтому я приходил туда к матери, знал его, и он знал все.

– А откуда этот мальчик, Зыслик Вы сказали его звали, откуда он прибежал?

– Я вам говорю, у нас две реки, одна Свислочь впадает в Березину, и есть замок, здесь дорога на Могилев идет, а здесь на углу вот это здание, они тут жили, и мы шли туда, а ихни дом как раз на углу стоял этого переулка, где они жили, и он, видимо, сюда шел, но их уже не было

– Так он к своему дому шел?

– да, а родителей уже не было

– Вы не видели, что с родителями случилось?

– Уже не было, уже пустой дом стоял и выбили окна, выбиты уже были

– А давно был этот дом пустой, как несколько дней или недель?

– А это уже, наверное, недели две

– Недели две, то есть как дом был пустой?

– Да, но мы там не проходили, и мы не видели, когда сейчас шли, он говорит: «Пойдем к нам», ну, и мы шли не главной улицей, а, как раз, вот этой параллельной. И тут мы на него натолкнулись. Но мы ничего не могли ему сделать, не уходи никуда, никуда его деть не могли. Через соседний дом еще жил помощник начальника полиции, но не наш, не местный, приезжий, тоже мы не могли, и тут мы попали впросак. Может быть если бы эти дети не кричали, ну, вот такие вот, знаете, дети еще это, а нам по 11, ему уже 13-ый год был, а мне 11, уже соображали, да и дома говорили, что нехорошо это делается. У нас, даже, жил один бывший солдат Первой Мировой, он был в плену, и он

говорил, что они не убивали, не может быть убивали, а тут на тебе, начинается. А он не знал, что там порядки другие, не такие порядки, как были раньше. Потом, через какое-то время, дней несколько, я пришел к этому самому Юрку туда, там стояла машина грузовая, и уже туда сидели мужчины евреи, и был с нашего конца...

– Они сидели в машине или снаружи?

– В кузове там

– В кузове, ага

– И был Литвин Аба, он заведовал швейной мастерской, ну, и был женат на русской Марии Зайцевой, потому, что говорят, я точно не знаю, вы не пишете это, ее мужа первого, Зайцева, вроде, репрессировали, ну, а потом она вышла за Абу, но у нее была дочка и сын Жора, он потом в партизаны пошел, а вторая дочка уже от Абы была. И вот я подошел и смотрю, там дядя Аба сидит

– В машине он сидел?

– Он ничего не видел, он просто сидел, и потом увидел пасынка своего Жору. «Жорка, сынок» - вот так взялся, «Прощай!». А тут стали полицейские: «Садись!» - на него кричать, и немец вылез с кабинки, вынул штык, взял за это, и рукояткой по рукам ему начал бить, кровь брызнула, я, знаете, отвернулся и пошел к ним в квартиру. А тут, это самое, мать на него: «Черт вас носит под ногами, чтобы вы не попали туда». И потом машина уехала, ну, наверное, тоже повезли за мост, их там расстреляли.

– А сколько мужчин было в этой машине?

– В этой? Ну, примерно, так они натолкали человека 15 или 20, я не считал, в общем не знаю, может человек 15 влезло.

– 15-20 человек

- Нет, 20 не знаю
- А Вы кроме этого Аба, Вы кого-нибудь еще узнали там?
- Нет, я никого не узнал, потому, что все там низко сидели, а он поднялся, и тут я его узнал
- А машина была открытая?
- Ну да, голый кузов был
- Просто кузов и все
- Вот, типо, как ЗИС 5, это такая машина, голый кузов. Даже не обратил я в то время внимания на это, но, знаете, ассоциация такая была, что это страшное дело, вот, это уже второе убийство приходит после этого мальчика
- То есть Вы видели через какое-то время после случая с Зысликом?
- Да, это через недели две или три, примерно.
- Через две или три недели?
- Да
- А полицейские, они тоже были в машине, или они снаружи находились?
- Да нет, там два или три стояли снаружи, даже дальше от машины, метров около пяти, и кричали: «Садись, а то сейчас...»
- И там были только мужчины, женщин не было внутри?
- Не было женщин, мужчины были. Впервые женщин я потом увидел на други год, в 42-ом весной
- Сейчас подождите, я только уточню, после того, как машина отъехала, Вы какое-то выстрелы слышали после какого-то времени?

– Нет, они не стреляли в местечке, они изредка иногда стреляли, когда кто убегал, но я этого не видел. Они все возили через мост туда, где-то там выкопали яму в лесу, за участком, где жил этот начальник полиции.

– После войны Вы когда-нибудь видели этого Абу уже?

– Нет, мы никогда не видел, но в 47-ом году на автозаводе я уже был, работал, и я слышал по радио, когда зачитывали в газетах списки погибших, убитых фашистами во врем войны, и я услышал фамилию Литвин Аба, с отчеством, значит, его, житель местечка Свислочь, и я так и говорю всем. Но, этот, мастер там у нас был один, говорит: «Тут много поубивали. И наших, и евреев – всех. Не щадили никого».

– А что Вы хотели казать про женщин? Вы начали говорить, что в 42-ом году что-то про женщин

– Ааа, до этого я еще видел, значит, у нас образовали на базе колхоза немецкое хозяйство, и там управлял немец офицер, те, который был раненый, после ранения значит их направляют где-то, он тут и поправлялся, и руководил. И вот тех, кто работал в колхозе, значит, заставили работать. И моя мать ходила убирать. уже, вот, в начале октября вот такая плохая погода, значит, дождь был, убিরали там картофель, свеклу и прочее. И за колхозным садом, но это, знаете, на местности надо показать, а так, за колхозным садом было поле большое, дорога, а потом немного такой склон и обрыв к реке, и там дубы росли, и вот был этот ручей, и стекал туда в овражек, и прямо в речку, и тут дубы росли. И мать, значит, за колхозным садом, с другими женщинами, выбирали, и подошел этот немец хозяйственник, это уже мать рассказывала, это с ее рассказов, я не видел. Но я видел, когда вели четырех человек два немца с автоматами. Одного из них я узнал, это был аптекарь. Они в телогрейках шли, и они повели их

в конец местечка, я не видел больше куда и что. Вечером пришла мать и рассказывала, что расстреляли аптекаря и все.

– А аптекарь это фамилия или профессия?

– Аптекарь это специальность.

– Потому, что, знаете, есть и фамилия тоже

– Фамилию я забыл. Если б я там жил, я б знал его фамилию, но я уже многих забыл

– И Ваша мама видела, как их расстреляли?

– Видела она, и другие женщины видели. Они построили их один за одним, стал немец и выстрелил с автомата. Сперва два упала, потом еще один, еще застрелил. Этот хозяйственник, который стоял, отвернулся в это время, этот офицер немецкий. Вот она пришли и потом рассказывала, я говорю: «А видел, как их вели», как расстреливали я не видел.

– А не видели, откуда их привезли?

– Ну, где-то там, где они жили, с местечка, с внутри, а мы же жили к этому краю, к западу.

– То есть их привели буквально с ихних домов получается?

– Ну да, оттуда привели, где с улицы, там, где они жили. С той стороны. Ну, и очень поздно уже так было, где-то ноябрь месяц, еще уводили, или это, как говорили, вторя или третья волна. Тоже мы были там, в центре местечка, значит, у нас магазина, за магазинами дома еврейские были, жили эти евреи. И вот, значит, мы были опять у этого Юрки, уже начало темнеть, дождик пошел, Майя говорит: «Бегите домой, а то скоро будет объявлен комендантский час. Попадётся – вам мало не будет». И мы решили дворами. Зашли между магазином и соседним домом, идем

через двор, а там, значит, ну, он не полицейский, он обыкновенный коллаборационист

– То есть у него не было никакой функции, он просто был гражданский?

– Коллаборационист, хромой, высокий такой, не местный, где-то вот, откуда-то из под Березина их выгнали партизаны, и они к нам хлынули

– Не местный

– И он, значит, шел, он впереди, метров 15 от нас вышел откуда-то, а там лежал такой длинный ящик, с магазина какой-то был, типо как шифонер, небольшой. Он его ногой перевернул, а там лежала еврейка старушка, Тойба, мы ее знали

– Тойба ее звали?

– Да, знали, Тойба. И, вот, он начал ее бить, «Подымайся! Пошли!».

«Не бей, ты скажи куда? Скажи».

Сосед мой, Вася Сороков, он умер лет 5 тому назад, говорит: «Ты хоть бы уже постеснялся старой женщины». Он на вас: «Ох вы коммунистское отродье! Я вас сейчас». Ну, мы бежать. Он ее повел, увел. Ну, говорили, что ее тоже убили, потому, что мы ее не видели больше.

– Но у него не было ружья?

– У него не было ничего, но они заводили, такие старались, приводили в полицию, приводили на сбор туда, и уводили группой и расстреливали

– А не помните, как его звали?

– Не знаю, как звали, но я его очень хорошо помню в лицо. Он не здешний

– А из какой деревни он был, или откуда?

– Не знаю из какой деревни, где-то за рекой Березиной, или, там Березино местечко, где-то оттуда он, а кто он. Ну, что он был не наш, что он был, как говорится, не советский человек, это коллаборационист.

– Он был из не советской территории?

– Ну, тут уже немцы были, уже 41-ый год, осень. Ну, войну еще кое-где пережили женщины еврейки с детьми, а весной опять. Заставили немцы сдавать молоко. Я понес сдавать в центр местечка такую баночку. Сдал, иду, не слышал ни выстрела, ничего, но когда я шел между, от центра, от площади местечка шел к дому, я увидел – женщина лежала возле забор, этот, не парк, а, как это называлось, бульвар – насаждения посреди местечка. И она лежала, и ребенок лежал. Одета она была в черную юбку, в чулках, женские были туфли такие черные, светло-коричневая кофта такая вязаная, белая, это самое, как ее

– Блузка?

– Блузка и в белом платке. Лежала, и один глаз, правый, моргал. А рядом лежал запеленатый ребенок, плакал. Ну, я шел, а это как раз был переулочек и была там корзиночная артель, ну, там что сделали в то время немцы, полицию, я не знаю, это общественное было здание. Я остановился, посмотрел, но мне с центра местечка мальчик, который ходил в школу, Вова Метельский, говорит: «Проходи, а то и ты получишь пулю. Давай, быстро сматываемся», а он вышел с переулочка и меня увидел. А я говорю: «А чего?», «А вот шла, и оттуда полицай догонял: «Стой! Стой!», а потом выстрелил и смертельно ранил». Я, естественно, ушел.

– А откуда Вы знали, что эта женщина еврейка была?

– Вы знаете, если б она не еврейка, дальше, домов за 5 стояли женщины и называли ее как-то, я забыл, эта

еврейка. Но она незнакомая, потому, что в 39-году к нам много было приехало евреев из Польши, и я не всех знал, но некоторых, вот, я знал был Лева Клос и Бабре был, Бабре в старший класс ходил, а Лева со мной учился в одной школе. Я их потом уже не видел никогда после войны.

– Но про эту женщину Вам кто-то сказал, что она еврейка, или Вы просто предполагаете?

– Так оно и так видно было, что это еврейка

– А по каким признакам?

– ну, если издали, так не скажешь, что она еврейка, а тут же ш я шел, и женщины говорят: «Хоть дитя бы пожалели. Ну и что, когда она еврейка, ну и что?», а другая женщина: «Так такой у них закон. Сперва их, а потом за нас примутся. И давай языки закрывай на засовы и давай отсюдава». Я отошел, и они уже пошли.

– А ребенок был еще жив?

– Он остался, никто, боялись подойти

– Но ребенок, как бы в ребенка не стреляли тогда?

– Нет, он плакал. Маленький, вот такой был сверток и все

– А на женщине Вы видели след от пули, Вы видели, что она была убита?

– А вот не видно было. Он лежала вот так, и лицом вот так, и один глаз был виден, который моргал.

– Вы сказали, что это уже было в 42-ом году, я правильно поняла?

– Да, уже, кажется, 42-ой. Вот если б я там жил, я б точно помнил

– А что было на улице, была зима, весна, лето?

- Нет, вот такая погода
- То есть Вы не помните ясно
- Такая, вот, погода, немножко, чуть-чуть слякоть
- Были еще случаи, когда Вы видели подобные случаи с евреями?
- Таких я не видел, но я вам расскажу еще один такой случай, мы даже не знали. Наш дом находился в западной части местечка, не в центре, а тут был огород, сад и спуск к реке Березина. На той стороне стояли сараи, это для скошивания сена и на зиму складывали, когда река становилась, возили сено. И вот уже река стала, замерзла. Из наших соседей, и наши уже, я то не знал, потом узнали, что там кто-то есть. Ну, пойти взрослому страшно, кстати рядом, у нас перед войной был большой сад, моего деда, и половину отняли этого сада, из-за реки дали приезжим, какому-то, фамилия Кабылянец Тимофей, он построил там дом. Когда пришли немцы, он пошел в полицию, так вот, боялися туда пойти посмотреть, но потом послали моего брата, он на два года моложе, он пошел, а он говорит: «Это Кляпер там», но Боже мой, так он же голодный
- Это были местные евреи?
- Кляпер приехал к нам из, в 39-ом году, из Средней Азии. Почему? Я их отлично знал, его сын Абрашка учился со мной в одном классе. У них, я любил читать, да и сейчас люблю, у них были хорошие книги интересные, и что редкость для нас, это журнал «Пионер», конец 20-ых, начало 30-ых годов интерес. И после школы, когда мы выходили, мы, минуя наш дом, шли к ним, и я знал, кто у них семья, значит, отец его, забыл, как звать, и мать не помню, вот, была маленькая девочка – сестра, брат Дода, и старший брат, но я только видел его один раз, они говорили, что он служил где-то в авиации, то ли летчиком,

то ли не летчиком, но я только один раз видел его перед войной, и больше я его не видел.

– Так что, Ваш брат пришел, и он сказал, что там семья Кляпера?

– Он знал, Абрашка к нам ходил, а тут, вы знаете, еще такой инцидент был до войны. Они приехали, а он был парикмахером, а у нас был свой парикмахер, некто Абрам Рывкин, шутник такой, что, и все любили к нему ходить стричься, бриться и шутить. И вот они не поладили между собой из-за парикмахерской, и даже прописали в районной газете, что поругались. Ну так все знали Рывкина, и все знали Кляпера. А потом, это еще когда немцы не очень нажимали, он ходил по домам, кого подстричь, кому, ну, и давали им, кто что мог. Ну, значит, в тот же вечер брата не послали. Когда потемнело, дали картошки, хлеба, ну, что у нас было, он носил ему туда. А потом заподозрил что-то этот самый сосед полицейский и говорит на дядю, маминого брата: «Слушай, Миша, а у тебя случайно в сарае никого нету?», а он: «А кого б ты хотел видеть? Свиней у меня давно немцы забрали, вот еще корова осталась». Тот намек дал, а больше ничего, он сказал: «Осторожно, потому, что рядом, и если лунная ночь». Ну, наверное, ночи две мы не пускали брата, он поменьше был, он на карачках переходил, а потом сверху стало видно, что кто-то отсюда ходил. Дождались, когда снег пошел, с другой стороны заходил, а потом уже, когда он так сказал, а он тогда сказал: «Ну так смотри, чтоб вторая свинья на той стороне не лежала», это он видел, так мог застрелить. Ну, прошло несколько дней и видим, уже стоит человек голый у угла. Вот так, здесь угол, а здесь ворота. И вот тут он стоял. Значит, кто-то пошел туда, раздел там, мы думали, что это только его работа с его друзьями

– Но кто был этот голый человек?

- Этот был Кляпер и есть, отец вот этих Додика и Абрашки
- Но он был живой или мертвый?
- Он был уже мертвый, он замерз. Они заморозили его, замерз, и поставили в углу. Ну, потом кто-то рассказывал, что у него был стакан с маслом, кто-то еще ходил, кроме нас, туда, давал, кроме моего брата, значит это еще знал кто-то, но, вот, кто его нашел, и кто это сделал, по сей день это не известно
- Но, когда Вы видели, там никакого стакана не было с маслом
- Ну, кто-то был там и рассказывал, может даже эти полицейские, которые туда ходили. А могли даже, знаете, у нас там за рекой еще деревня, Вирков называется. До революции и до войны у нас стояла воинская часть, охраняли мосты, но оказывается, что не мосты они охраняли, а именно от этих людей. В царское время, когда-то из Сибири, сибиряков бандитов высылали оттуда и здесь пселяли, заставляли на разработках леса, корчевание, но они не работали тут, бандитизмом занимались. И вот с соседней деревни, когда приезжали к нам на ярмарку, у нас мост в 15-ом году был построен через Березину, а этот был давно через Свислочь, на ярмарках приезжали с соседней деревни, приезжали с ружьями. А чего? А вот от этих верковцов грабителей. И все они были за немцев.
- А что стало с детьми Кляперов, вот с этим мальчиком, который ваш одноклассник бывший?
- А их, вы знаете что, нас туда уже не пускали, мы не ходили. И Доду, и, наверное, мать, и эту девочку маленькую, и Абрашку расстреляли
- Вы просто предполагаете, или Вам...?

– Они же не появились, нету их. Они не эвакуировались. Это Большая эвакуировались, и они приехали, это мы знаем, а эти нету, нет их, и тех, которые с Польши приехали, их тоже нету, не появились.

– А что случилось со всем имуществом вот этих евреев?

– Так вот, все имущество четные люди никто не ходили, не брали. Брала полиция, брали такие вот коллаборационисты, что не служили в полиции, но помогали, из соседних деревень, которые повыгоняли партизаны их с лесов, так они..., вот такие грабили. За исключением, я только в одном доме взял, он с разбитой дверью, две книги: «Таинственный остров» и «80 тысяч километров под водой». «Таинственный остров» я отдал Баршейзюму, когда он приехал, говорит: «Я не читаю», я говорю: «На на память». «А ты где взял?», я так и так говорю, «Так занеси туда». А я говорю: «Так того дома уже нет, извини». Ну он и взял. А «80 тысяч километров под водой» мне осталась на память. Больше мать, дядя, наши родственники все приказали: не ногой, ничего ни капли не брать! Это чужое было, и чужое должно остаться. Вот это имущество так. А некоторые это имущество еще находили у 50-х, у 60-ых годах, ну, дома уже разрушались, все ломали и находили там

– Я хотела спросить, кроме евреев, тогда убивали других людей другой национальности?

– Еще как

– Не говоря о военных или партизанах, а просто мирное население?

– да, мирное население. Со мной в одном классе ходил Каминский Владимир, и еще один Тышкевич. Его отец пошел в полицию, и он тоже в полицию, он на год старше

был. И этот Тышкевич убил этого Каминского. У матери один сын и дочка была еще

– А почему убил Каминского?

– Или дядя, или тетя были в армии, в красной армии

– И только из-за этого?

– А вы что думали.

– Вы просто от других знаете про это убийство, или Вы видели, когда убивали этого человека?

– Нет, я не видел, но мне сказали там, что жили на этой Березинской улице, что Тышкевич убил Каминского, Володю Каминского

– А немцы не убивали никого?

– Убивали. Как пришли в 41-ом году, мимо нас провели немцы одного, правда в рубашке, босый, все, повели на конец местечка, там застрелили, слышны были выстрелы. Но он незнакомый был

– И Вы лично видели, как его проводили?

– Видел, конечно, мимо нашего дома вели

– Он был солдат, если был в военной форме?

– Нет, он не в солдатской был

– А в какой одежде он был?

– Одежда была, вот, нательная рубашка спущена, а сверху была обычная рубашка, обычная серая рубашка наверху, но нижняя немного длиннее, босиком, штаны были, типо, галифе, но не форменные, такие черные, как обычные лесники носят

– То есть это был не военный человек?

– Не военный

– Вы его не узнали, не из вашей деревни?

– Незнакомый

Еще видел, как застрелили двух пленных. Они просто уже не в плену были, или удрали, или отпущены, женились там, все. Ну, выпили, и что-то там с полицейскими завелись, а они застрелили. Положили на сани и увезли. Только вот не знаю, или под люд спустили, или туда под кладбище.

– Эти пленные, это были бывшие советские военнопленные?

– Да, вот были в плену, были люди, которые выкупали. Вот приносят к немцу яйца, молоко, «Вот мой брат».

– Так их освободили, да?

– Да. Из тохтер, майн племянник

– Разрешали, чтобы...

– Много были. Но вот эти не сдержали себя и повздорили с полицией, они их застрелили двоих.

– Вот эти двое, они были из вашей деревни, или они были не местные?

– Нет, они были откуда-то с России в плен попали

– А потом, когда их отпустили, они остались у вас на месте?

– Остались в местечке, жили там. У кого-то, там, жили на квартирах. Там много таких было. Некоторые прижились, некоторые в партизаны ушли, не вернулись

– И Вы видели только уже их убитых, когда увозили на санях, или даже, когда расстреливали?

– Да, я видел, как их застрелили одного, а други уже убиты был. И потом их положили на сани и увезли.

– Где все это происходило, расскажите подробности

– Где происходило? В центре местечка, на площади. Сейчас там рядом памятник, а перед этим памятником была виселица. Я видел, как привели четырех: мужчину молодого и девушку, ну, лет 18-20. Повесили. И вот она руками только все разводила, и стали женщины кричать: «Идолы! Сволочи! Что делаете». Тогда один полицейский выстрелил ей в груди.

– Это все происходило в тот же самый день, вот этих дух?

– Нет, это было намного позже, это уже был 42-ой год

– Нет, нет, я хочу понять, вот этих двух военнопленных и в виселице...

– Военнопленных тоже не в 41-ом, в 42-ом там.

– Хорошо, этих военнопленных в 42-ом, да, этих двух мужчин?

– В 42-ом, в 43-ем вот этих партизан, а 43-им летом, нет, под лето, где-то под осень, местного жителя Бориса Храмого повесили, это уже немцы приказали повесить на телефонном проводе, и написано было «За самогоноварение».

– Давайте по порядку, чтобы я все разложила на места, то, как Вы очень много видели всего, и немножко путаница

– Я много не видел, я вот только это видел

– Этих двух военнопленных, кто в них стрелял Вы помните?

– Это не наши полицейские.

– Не местные полицейские?

– Не местных. У нас местных это было по пальцам посчитать, мы их знаем, их нету, не явились и все. А это было незнакомые, у нас битком набито было, были с

Березинского района, из Червеньского района, из-за реки прибежали, оттуда, от партизан

– И сколько полицейских было тогда на площади, когда стреляли?

– Да человек 5 или 6 их там было, куча целая, там уже рядом полицейское учреждение было

– И как далеко Вы находились, когда все это происходило?

– А?

– Как далеко Вы находились во время всей сцены?

– А вот немножко дальше, чем эти машины

– Метров 10-12?

– Немного больше. Вот как то дерево, вот так вот. Потому, что мы вышли, вот так забор, вот этого... как бульвар у нас назывался. Сейчас тут памятник, здесь были киоски, а там площадь и дом двухэтажный, и вот на площади, там они что-то повздорили, а мы отсюда шли, и вдруг слышим выстрел. Подошли, один лежит, тут второго, еще выстрел – он упал. А кто такие, кого такие. Ну, там местные ребята говорили: «Полицейские убили пленных». «А чего?». «Да вот ними поспорили» - говорит.

– А Вы слышали сами, как они спорили, был слышан какой-то спор?

– Нет, мы не слышали, мы только увидели, когда последнего убили и все

– То есть Вы только выстрелы слышали и увидели, как убили человека?

– Второго, а второго, только вышли, и второго. А потом видели, как их на сани положили, мужик какой-то ехал, и он вниз, туда к Свислочи, поехал. А вот куда, или на кладбище, или в речку, не можем сказать, не могу

- А про тех, которых повесили, это было в тот же самый день, или это было на другой день, в совсем другое время?
- Нет, это было уже через год
- Через год уже?
- Да. Это было зимой, вот это событие, зимой, 42-ой. А это уже было 43-ий год, да, уже 43-ий, да, они привозили, иногда приводили, и, конечно, я точно не знаю, по ним, и по разговорам, там, которые были, это не партизаны. Часто привозили с деревень просто обычных людей. Привозили, не дали что-то, не грабили, все, не дали – вот привезли, вот партизаны, и вешали.
- То есть такие разговоры шли тогда среди населения?
- Что население, вот, повесили партизан, повесили и все, но а другие говорят, что это не партизаны
- Но а эти четверо, Вы сказали, что там было четверо мужчин и девушка
- Да
- Они были не из вашей деревни?
- Нет, они с какой-то деревни, не знаем мы, что это за местечко
- А мужчины, они были одеты в военной форме, или они были в гражданской?
- Да нет, все были в гражданском
- Все были в гражданском?
- Да
- Мужчины были молодые или в возрасте?
- Один уже в возрасте, лет под 50, другой моложе, а третий вообще парень молодой, и девушка была, лет 18, может 19, а может и 20, так вот, я не знаю.

- И их привезли полицейские или немцы? Кто привозил?
 - Мы не знали, кто привезли. Скорее за все полиция. Они называли этот грабеж, вот ездить по деревням, грабить. Мол они на партизан ездили, и грабили местных, вот такое было.
 - Такие случаи были частыми, вот с этими виселицами?
 - Да, в то время были частые. У нас, от нашего дома, через пять домов женщина, еще собрались, ну, собрались кое какое барахлишко, пошли в деревню менять на продукты, а немцы сделали облаву. Это было осень то ли 43-его года, кажется да. И там, где-то в деревне, их и попутали. И они взяли, не догадались, чтобы быть в этой деревне, выбежали за деревню, пробежали немного и легли, три женщины, и легли в канаву. Ну, а немцы ехали, лежат «О, партизанки», и расстреляли. И все. И привезли их потом.
 - Вам про это кто-то рассказывал уже?
 - А?
 - Вам кто-то рассказывал про этот случай?
 - Так а мы знаем чьи даже
 - Вы помните имена?
 - С дочкой с одной я в школу ходил
 - Помните их фамилии или имя?
 - Вот фамилии ихние я забыл, фамилию я забыл, это только к Забавскому Жоре, он помнить, потому, что это ихняя соседка, соседи ихние. Вы еще не были в Свислочи?
 - Нет еще.
- Это человека, Бориса Храмого, которого Вы говорите, что тоже его повесили, да?
- Ага

– Его Вы тоже видели, как повесили?

– Я видел, как он висел, и у него написано было «За самогонование». И он местный житель

– В вашей деревне?

– Да, из нашего местечка. А у нас до войны жил на квартире сапожник с Сибири, сибиряк, и его друг еще работал на пристани, а он у нас сапожником работал от сапожной артели, Рая его жена – у нас жили. И надо же так получиться, что за недели две или три он поехал в отпуск на Родину, и началась война. Она тут осталась, а он там. Она помыкалась, помыкалась и вышла за этого Бориса замуж. Мы видели их свадьбу эту. И прошло, наверное, года полтора или два, его повесили. Он гнал самогон, полиции пили здорово самогон и пьяные были, ну, немцы, видимо, за это его и повесили, за самогонование.

– Понятно.

Вы говорили, что когда немцы пришли, они тоже, были разговоры, что они ищут, чтобы убивать коммунистов, комсомольцев

– Разговоры были, но ничего не было. Единственный, было убийство того мужчины, которого вели летом 41-ого года, расстреляли немцы. Кто он, за что и как – я не знаю, и никто, почти, из наших не знает, может он даже не местный, не наш.

– Но из вашей деревни никто не пострадал из-за этого?

– Было. Страдали многие местные жители, которые засидятся за картами где-то у соседей и бегут. И не дай Бог попасться полицейскому. Если немцы – сказал где живешь, и они приводят на то место, привозят на то место, откуда живет, то они еще отпускали, но если попадал

полицейскому, то он долго не мог устать, пол месяца и больше лежал.

– Понятно.

Мы остановимся здесь

– Можно я еще задам несколько вопросов Вам?

Скажите, пожалуйста, Вы не помните, после того, как немцы пришли к вам в деревню, евреи стали носить какие-то знаки?

– Не носили до осени, потом какой-то пришел приказ, они носили спереди и сзади желтый кружок

– То есть вы видели, как они носили такие

– Да, видел желтый кружок носили

– То есть после осени?

– Вот где-то вот осенью начали

– Не помните, вот эта женщина, которую Вы видели лежавшую

– Ничего у нее не было

– У нее такого знака не было?

– Ничего, никакого знака не было

– Скажите еще, пожалуйста, этот человек, аптекарь, который Вы говорите, что был, он тоже был еврей?

– Конечно. Я фамилию забыл, вы знаете, я знал, вот, выскочила фамилия

– Вы сказали только что, что провизор, это Вы про него говорили?

– да

– Про него говорили?

– Да, провизор это аптекарь. Вот я забыл фамилию забыл, Жора Забавский помнит, они там напротив жили. То есть аптека у них напротив в Свислочи

– А Вы не помните. В то время, когда происходили все эти случаи, были какие-то аресты, или их собирали, что-то такое Вы видели?

– Кого?

– Евреев

– Ну, вот, единственное я видел, когда к Юрку туда пришли, и в машине собраны были, сидели в машине евреи и Аба Литвин

– Только это Вы видели, да? А так Вы не видели, чтобы по деревне собирали?

– Ну, вот, четыре человека провели, вот этих аптекаря, там еще знакомые евреи и все. Ну как же, через улицу, я же видел, что дядя аптекарь, сколько у него сенсен брали. Знаете что такое сенсен? Это пакетик, в пакетике такие мягкие, вкусные, приятные. 20 копеек – он давал, и так приятно во рту. Так мы знали, я знал, что аптекарь, два немца и пошли. А вечером мать пришла и говорит, что убили.

– То есть больше случаев ареста или других, Вы не видели?

– Я не видел, но знал. Соседа нашего Борта Игдалю с семьей: Бортак Игдаля, Рахиль, Ицка, Песя, Сонька, Ахроимка и Соня. Их как вели, брат мой видел, я не видел, как их вели

– Он видел, как из выводили из дома?

– Ну из дома, конечно. Через дом они жили, так брат и видел. Я в то время дома не был.

– А что он Вам рассказывал, что он видел?

– А говорит: «Ицку взяли и повели, полиция увели туда, в центр местечка». Но кто-то говорил, что Ицку убили возле конюшни, в западной части, за нами, не знаю. А Столина Берку, его жену, Леву, Хасну и вот этого малыша, не помню, как его звали, тоже убили. Ну, пустой дом.

– Их вводили примерно в то же самое время, или увозили в разные дни, разные недели?

– Да в разные дни, как им вздумается, или как там у них расположены, когда кого как убить, понимаете

– И никто из евреев не пытался сбежать?

– Вы знаете что, извините, мой покойный дядя Миша говорил: «Игдаля, собери» - извините з выражение, «бэвахи и подгарю. Вечером я на лодке перевезу вас в старое село» - это деревня в лесу, «там не немцев, никого нету». И вы знаете, что он сказал: «Миша, что нам положено, то мы получим. Зачем тебе мучатся нас возить». И неплохой был, как говориться. Человек, он бондарем работал, всю жизнь бочки делал. И соседа лишились, потом другого. Но некоторые у нас остались живы. Живы, войну прожили и все.

– Вы знаете фамилии таких людей?

– Естественно знаю. Я только не знаю, где эта девушка делась, она была в партизанах и получила орден красной звезды. Но потом я в 46-ом уехал, я ее больше не видел. А у Жоры Забавского, его матери брата была жена еврейка, ее Броней звали

– Она тоже с вашей деревни?

– С нашего местечка. И жила и при немцах, и все знали, и местная полиция знала, только те полицейские, что приехали, не знали, никто не говорил

– И не трогали ее?

– Прожила и после. Она умерла, не помню в каком году, где то в 70-ых, толи в 80-ых

– Кроме этой девушки, были еще какие-то случаи евреев, которые выжили?

– А?

– Кроме этой девушки были еще какие-то случаи, когда ваши евреи из местечка выжили?

– Ну еще были там, кое кто, но тех я уже там с центра не помню, потому, что это там дальше. А этих я знал, тетку Броню, или ее Броха звали, или как, но ее Броня все звали. Броня и все. Если чужой полицейский: «Это кто? Еврейка?». «Нет, это полячка Броня».

– Спасибо Вам большое за Ваш рассказ! Спасибо! Мы закончим

– То, что я видел, то, что я знал, другого я ничего не мог сказать и не могу, потому, что не знаю. Слухом я много чего слышал, но я не видел того, и я сказать не могу.

– Спасибо Вам!